

ЗАМЕТКИ К МОНОГРАФИИ ДИТЕРА ГОФФМАНА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: «ПРЫЖОК ВО ТЬМУ»

С. Шнайдер

Гейдельбергский университет,
Германия

brjanov@gmx.de

Автор представляет российским ученым и всем заинтересованным читателям монографию Д. Гоффмана о причинах и последствиях Первой мировой войны. Исследуя высказывания политических и военных деятелей тех лет, Д. Гоффман предлагает ответы на спорные вопросы, приводит новые систематичные аргументы. Большое внимание уделяется концепции «превентивной войны», которая объясняет состояние общества, решения властей Германии, приведшие к великой катастрофе. Автор рассчитывает привлечь ученых в России к новой дискуссии о времени и событиях, ставших поворотными в европейской культуре и цивилизации.

Ключевые слова: концепция «превентивной войны», «план Шлиффена», фон Мольтке, фон Бетман-Гольвег, категории вины и ответственности.

«Прыжок во тьму [...]»¹ – сразу же хочу обратить внимание на удачное название книги, которым немецкий автор Дитер Гоффман (Dieter Hoffmann) не только уже при выборе книги привлекает широкий круг читателей, но и выдвигает амбивалентный тезис. Кроме того, эта интригующая метафора представляет собою интереснейшую цитату одного из главных, по мнению Гоффманна (и не только его) ответственных за мировую гуманитарную катастрофу – рейхсканцлера Германии фон Бетман-Гольвега (von Bethmann Hollweg)². Наряду с начальником германского генерального штаба, фон Мольтке (von Moltke), канцлер является и главным *героем*

книги исследователя. Этой цитатой, взятой в качестве заглавия книги, автор вводит также в методичку своего исследования. Новых источников Гоффман почти не приводит, но это он и не преследовал. Он тщательно проанализировал все известные письменные и устные высказывания немецких и австро-венгерских властей по поводу начала войны, учитывая при этом различные мнения обществу. Оригинальность этого исследования заключается, прежде всего, в том, что анализ ведется на фоне тезиса концепции превентивной войны. К тому же в том, как Гоффман сопоставляет, сравнивает и интерпретирует эти высказывания властей. Основываясь на собрании цитат, историк рисует наглядную картину внутренней жизни Кайзеррейха.

Итак, полное название книги Дитера Гоффмана звучит: «Прыжок во тьму, или

¹ Здесь и в дальнейшем следуют мои переводы – С.Р. Шнайдер.

² Это высказывание канцлера от 14 июля 1914 года мы узнаем из дневника секретаря фон Бетман-Гольвега Курта Рицлера (Kurt Riezler), которого цитирует Гоффманн. Hoffmann, с. 200.

как была развязана Первая мировая война»³. Хотелось бы предложить свои замечания к этому детальному исследованию, заслуживающему особого внимания, обещающему привлечь ученых (и не только ученых) в Германии и в других странах к новой плодотворной дискуссии о причинах и последствиях Первой мировой войны.

Гоффманн расследует, в основном, причины и мотивы конфликта, возникшего летом 1914 года. Результаты его скрупулезного анализа высказываний лиц, замешанных в конфликте, должны обновить исторический научный дискурс и послужить импульсом, для пересмотра некоторых традиционных взглядов. Гоффманн доказывает, что вопрос вины и ответственности за развязывание войны надо рассматривать более дифференцированно, чем это до сих пор происходило в историографии.

Кроме того, Гоффманн в своем исследовании не только интересуется вопросом, как европейское общество, в частности германское, могло допустить катастрофу такого масштаба, но и дает ответ на этот вопрос. Исследователя интересует *вина* именно общества, а не только властных структур, являющихся частью общества.

Но, к сожалению, главный тезис автора, что развязывание превентивной войны принадлежит именно германскими властями, не совсем убедителен⁴. На мой взгляд, употребление военно-политического термина *превентивная война* в данном случае не совсем оправдано. Возможно, следовало бы, объясняя поведение и действия герман-

ских властей, воспользоваться термином *профилактика*, который дает более широкие возможности для интерпретации⁵. Складывается впечатление, что Гоффманн в ходе своей аргументации и сам понимает, что выдвинутый им главный тезис не совсем убедителен, – не случайно он его постоянно уточняет и комментирует.

Тезис о «превентивной войне» в связи с Первой мировой войной, конечно, не новый. Как указывает Петер Граф Кильмансегг (Peter Graf Kielmansegg), этот тезис встречается особенно часто в более старой литературе, но в центре внимания он до сих пор не стоял⁶. К тому же в фундаментальных исследованиях 60-х годов этот тезис также упоминается. Однако монография на эту тему, утверждает Гоффманн, еще не написана⁷. По моим наблюдениям, и в российской историографии этому тезису особого внимания не уделяется. Чаще всего приводятся просто цитаты таких лиц, как фон Мольтке или фон Ягов – цитируются они, впрочем, по работам Фишера⁸.

³ Но, скорее всего, метафора профилактики тоже не точная, потому что, если остаться в образе здравоохранения, то Германия, воспринимавшая себя под угрозой болезни, следила не за своим питанием, за витаминами, не спортом занималась, а колола себя уже антибиотиком, хотя бактерий еще не были уточнены. Кстати, Гоффманн сам пользуется определением «профилактической войны». Ср. Hoffmann, с. 192.

⁴ Ср. Hoffmann, с. 10.

⁵ Ср. Hoffmann, с. 23.

⁶ См. напр.: Туполев, Б. М.: Происхождение Первой мировой войны. Окончание. // Новая и Новейшая история. – 2002. – № 5. – С. 55, 61. Уткин, А.И.: Первая мировая война. – Москва: Алгоритм, 2002. – С. 76. Позволю себе здесь еще заметить, что хотелось бы этими заметками поддержать научный обмен между Россией и Германией, так как языковой барьер все еще сильно сказывается. Стоит только обратить внимание, что Гоффманн не учитывает ни одной российской работы в своей книге.

³ Hoffmann, Dieter: Der Sprung ins Dunkle oder wie der 1. Weltkrieg entfesselt wurde. – Leipzig: (Mitzke Verlag) 2010. – 367 S.

⁴ То, что этот подход здесь выделяется «главным» тезисом автора, подтверждается и самим Гоффманном и Кильмансеггом, написавшим вступление к книге. См. Hoffmann, с. 9, 23.

Концепция превентивной войны Германского Кайзераейха, как ее изображает Гоффманн, это, по-моему, **идейная конструкция**, которая служила разным структурам власти для достижения одной военной цели – нападения. При этом данные структуры власти руководствовались различными убеждениями, мотивами и интересами. Проблема состоит в искусственности упомянутой конструкции. Дело в том, что некоторые властвующие группировки такой конструкцией прикрывали собственные военные и политические цели. Но были, возможно, и группировки, которые не сомневались в правильности построенной конструкции. И была группировка, которая подстраивалась под доминирующую власть, например, правительственная группировка. Так как Гоффманн в поисках причин и мотивов начала войны постоянно учитывает и исследует психологические моменты замешанных в развязывание войны лиц, хотелось бы ввести в сложную и не очень устойчивую конструкцию «превентивной войны» категории самообмана и самооправдания. Эти категории являются важными элементами нашего человеческого поведения вообще. Ими можно объяснить разные действия психологического, морального, преступного и т.д. плана. Большая политика и до сих пор «успешно решает» таким образом сложнейшие проблемы: достаточно вспомнить «превентивную войну» против Ирака и другие аналогичные примеры.

Хотелось бы сразу внести ясность: точка зрения Гоффманна не имеет никаких оттенков национализма, реваншизма, франко-, русо- или какой-либо фобии. Она далека от идеологии. Исследователь отстаивает позицию просвещенного европейца, который понимает, что эта война погубила

веками создававшиеся ценности и что последующая культурная катастрофа сильно повлияла на будущее мира, с последствиями чего мы до сих пор и сталкиваемся.

Книга Гоффмана вышла в марте текущего года в Лейпциге, в небольшом и малоизвестном в Германии издательстве *Милитцке* (Militzke). Тот факт, что эта работа вышла не в престижном издательстве (как «Beck» или «Fischer»), мне кажется несчастливым и весьма симптоматичным для понимания того, как немецкое гражданское общество воспринимает проблематику Первой мировой войны. Вероятно, время еще не созрело, чтобы успешно – в том числе и в коммерческом плане – публиковать труды известных и менее известных специалистов и публицистов по этой тематике. Думается, что через два-три года ситуация изменится кардинально, ведь в 2014 году мир будет отмечать столетнюю годовщину начала этой мировой катастрофы. Нас ожидает поток интересной и менее интересной и тенденциозной литературы. С этой точки зрения, Гоффман выбрал правильный момент для публикации своей оригинальной книги. Кроме того, автор справедливо отмечает, что в Германии уже несколько лет не публиковалось ни одной монографии на эту тему, опубликовано было лишь несколько статей. Хотя, надо согласиться с автором, многие вопросы, и не только исторического порядка, еще не решены.

Важен тот факт, что Гоффман предоставляет публике свою интерпретацию Первой мировой войны именно как научное исследование. Такие исследования очень нужны: ведь немецкое общество не автоматически «созреет» к годовщине, хотя этот процесс и длится уже почти 100 лет.

Несмотря на некоторые недостатки этого интереснейшего труда, хотелось бы отме-

тить еще один момент, и тем самым коротко представить российскому читателю Гоффмана в биографическом плане. До публикации своей книги автор не считался специалистом по Первой мировой войне и вообще не являлся университетским историком, хотя много лет активно участвовал в научных проектах. Можно предположить, что некоторые маститые ученые-специалисты, заведующие кафедрами, до сих пор не очень серьезно относятся к интерпретации Гоффмана. Вероятно, это и привело к тому, что книга была опубликована не в самом престижном издательстве. На эту проблематику намекает известный в Германии историк и политолог, специалист по Первой мировой войне Петер Граф Кильмансегг⁹, который в своем убедительном предисловии к книге, подчеркивая новаторство Гоффмана, пишет следующее:

«Я убежден, что Дитер Гоффман, написал важную книгу. Эта книга вполне способна открыть новый раунд дискуссий о роли Германии в предыстории Первой мировой войны. И это стало бы не первым примером тому, что аутсайдер (правда, который знает свое ремесло) дает импульс для дискуссии. По крайней мере, время для этого пришло».

Примечателен и тот факт, что один из самых влиятельных публицистических журналов Германии *Шпигель* еще за полгода до публикации книги, в сентябре 2009 г., предоставил Гоффману возможность напечатать отрывок из своего исследования.

Гоффман родился в 1958 г. в городе Альцей (Alzey), где он живет и сегодня. Это городок на юге Германии в земле Рейнланд-Пфальц. Он изучал историю, экономи-

⁹ Один из его наиболее известных трудов: Kielmansegg, Peter Graf: Deutschland und der Erste Weltkrieg. – Frankfurt a. M.: 1968.

ку и романистику в университетах Берлина и Кельна. Диссертацию по теме «Евреи в Рейнгессене» он защитил в Кельнском университете. Эта работа исследует положение евреев в этой части Германии, особенно во время национал-социалистического режима. Гоффман участвует в различных проектах, работает журналистом, специалистом по связям с общественностью. В настоящее время он в составе рабочей группы университета города Майнца занимается проблемами национал-социалистического периода.

Так что же это за «прыжок во тьму», не обещающий ничего хорошего и так точно определяющий суть исследования Гоффмана? Я уже упомянул амбивалентность этого наглядного образа, имеющего, впрочем, свое не менее образное продолжение в подзаголовке: «или как была **развязана** Первая мировая война» – «oder wie der 1. Weltkrieg **entfesselt** wurde» (выделено мной – С. Ш.). В немецком названии употребляется глагол «entfesseln» (развязать), которого нельзя назвать нейтральным, определяющим просто начало войны – т.е. в смысле, кто начал войну. Глагол дает немецкой коллокации (einen Krieg entfesseln) специфический смысл, непросто стилистическую окраску. Этот смысл передается очень похожей русской коллокацией «развязать войну». Впрочем, названию книги, напоминающему по смысловой насыщенности японскую поэзию, я уделяю столь пристальное внимание по той причине, что в нем охватывается чуть ли не вся суть исследования – во всяком случае, так показалось мне, после того, как прочтя книгу, я вновь вернулся к ее заголовку. Глагол «entfesseln» объясняет действие, при котором надо сильно напрячься, чтобы чего-то добиться. Образная основа – активно развязать что-нибудь крепко завязанное – присутствует в любом его употребле-

нии, т.е. узел, даже если он не совсем крепко завязан, сам не развяжется. Вот этот образ использует автор. Гоффманн этому моменту уделяет много значения – это его второй важный тезис: кто-то активно, очень упорно сделал все возможное, чтобы началась эта война. И по логике названия книги, которое начинается с высказывания германского рейхсканцлера, это Германия. И Гоффманн ни разу не поддается сомнению, что виноваты в том, что война началась именно летом 1914 года, после покушения в Сараево, Германия и Австро-Венгрия. Напротив, все изложенные аргументы, у Гоффмана это, в основном, высказывания непосредственно замешанных в конфликте лиц, подтверждают, что все властвующие структуры (Гоффманн в основном анализирует германские) более или менее готовили, подстраивали и разрабатывали план («превентивного») нападения именно к этому моменту, скорее всего, и раньше. Из этого следует, что глагол относится, в первую очередь, к двум державам – к Германии и Австро-Венгрии.

Этим не сказано, что абсолютно вся вина за войну, за ее начало, продолжение и ее последствия за этими странами. Даже за конкретное начало, как указывает и подтверждает цитатами Гоффманн, ответственность за Россией и Францией, может быть, и за Великобританией и США¹⁰. Справедливо Гоффманн не пользуется теорией дуальной структуры вины – если один виноват, то другой не виноват. И, конечно, анализ и интерпретацию процесса развития конфликта и самой войны нельзя вести в рамках дихотомичной системы, доминирующего до сих пор мышления, несмотря на то, что мы, действительно, имели противостояние двух блоков. Надо согласиться с автором, что научному дискурсу до сих

¹⁰ См. Hoffmann, напр. с. 318.

пор мешает подход определения абсолютной вины (*die Schuld*), чтобы действительно понять катастрофу¹¹. Аргументы, факты и источники подстраивались, информация умалчивалась, источники исчезали. Одно дело говорить о причинах, другое о вине.

Вернемся к первой части названия книги. Цитата фон Бетман-Гольвега, во-первых, указывает на грозящую Европе, а значит и Германии катастрофу, т.е. тьма как беда – это понятно (между прочим, автор постоянно и целенаправленно употребляет понятие *катастрофы*). Гоффманн доказывает приводимыми цитатами, что даже такие лица, как канцлер и начальник генштаба, т.е. люди, отвечающие за нацеленную на «превентивную» войну политику, ради своих целей сознательно и хладнокровно смирились с ужасными последствиями, жертвами войны, и были готовы вести Европу и Германию к катастрофе – во мрак. В основном, конечно, ожидая, что победят Германия и Австро-Венгрия. Вот что пишет начальник генштаба фон Мольтке своей жене уже в сентябре 1914 года:

Представления об этом [т. е. о войне – С. III.] приводит меня в ужас, и мне кажется, как будто я несу всю ответственность за весь этот кошмар, но все равно я не мог иначе действовать, чем я действовал¹².

Гоффманн комментирует: «Все-таки странно, если военачальник такими словами описывает ту войну, в которой он выступает в качестве главнокомандующего»¹³.

¹¹ Ср. Hoffmann, с. 313, 319.

¹² Hoffmann, с. 37.

¹³ Hoffmann, с. 37. Между прочим, Гоффманн дает и примеры высказываний лиц из Антанты, которые также были уверены, что эта война приведет к мировой катастрофе; он, например, приводит известную цитату министра иностранных дел Великобритании, сэра Эдварда Грея, который сказал, что война превратится в «greatest catastrophe that the world has ever seen». Hoffmann, с. 230.

Во-вторых, фраза «прыжок во тьму», именно образ тьмы, допускает на первый взгляд интерпретацию, что ответственные лица не знали, что их ожидает. Ведь не видно, что там, в темноте, поэтому они и допустили катастрофу, что могло бы их, в какой-то степени, извинить. Это, кстати, относится не только к немецким и австро-венгерским властям. Такие аргументы можно и до сих пор найти в литературе. Своей метафорой Гоффман на это очень умело указывает и сразу же доказывает, что такая интерпретация неверна. Ведь был все-таки прыжок, они не свалились, их не толкнули, а тем более – они развязали (*entfesseln*) войну, а другие это допустили. Интересно в этой связи отметить, что на обложке союз «или» (*oder*) выделяется красным цветом.

Так что главная находка Гоффманского исследования, из которой вытекают все тезисы, это целый набор взаимосвязанных цитат, доказывающих, что немецкие (и австро-венгерские) структуры власти (здесь важно учитывать множественное число) приложили всевозможные усилия, чтобы **вовремя и «чем быстрее, тем лучше»** развязать войну в Европе – сначала на Балканах, потом против Франции и России. Для этой «превентивной» войны, как утверждает Гоффман, существовал всем известный «план Шлиффена». Вся проблема, вся загадка в аргументе *вовремя*. Что за временной момент, зачем и ради чего начали войну? Здесь прослеживается вся проблематика и, может быть, научно-историческая польза аргумента этой своеобразной «превентивности» – концепция, которую все-таки следовало бы назвать по-другому.

То, что в виде «плана Шлиффена» существовал готовый сценарий для нападения на двух фронтах, что, в конце концов, и привело (с позиции здравого смысла и

должно было привести) Европу к мировой войне, с этим специалисты сегодня согласны. Не будем здесь рассматривать детально все тезисы и теории, существующие в актуальной историографии – каждый знакомый с этой проблематикой, читая аргументацию Гоффмана, сразу же определит, согласен он с этой аргументацией или нет. Известно, что Германия и Австро-Венгрия, воспользовавшись Сараевским покушением, развязали войну. Думаю, что большинство ученых будут также согласны с тем, что важнейшей причиной мирового конфликта явилось стремление Германии добиться гегемонии на континенте, терпя при этом в качестве союзника Австро-Венгрию. Таким пониманием мы обязаны длительным и громким дискуссиям 60-х годов XX века, начавшимся с исследований Фишера. Отдельные выводы Фишера и его сторонников остаются, правда, не доказанными. Но новых исследований, описывающих более убедительно причины войны, предысторию конфликта, долю ответственности замешанных держав и их геополитические интересы, в Германии, во всяком случае, нет. Поэтому стоит внимательно проанализировать аргументы, предложенные Гоффманом.

Почему же Гоффман, несмотря на свои собственные оговорки, настаивает на тезисе о «превентивной войне»? Что он имеет в виду? Какую научную, историческую пользу мы можем извлечь из его аргументации?

Если оставить пока в стороне, во-первых, проблему самого понятия «превентивной войны» (т.е. кто и что под этим понятием подразумевает) и, во-вторых, вопрос, существовала ли реальная угроза со стороны Антанты, то Гоффман доказывает, что аргумент о том, что якобы Германия была вынуждена к «превентивному» удару,

встречается в разных источниках регулярно с осени 1912 года¹⁴. Эти примеры Гоффман приводит на протяжении всей аргументации. Больше десяти найденных автором примеров относятся к фон Мольтке. В конце книги Гоффман предоставляет читателю перечисление в форме таблицы всех изложенных высказываний в связи с «превентивной» войной¹⁵.

Но и до 1912 года, как показывает исследователь, в разных документах и высказываниях, схожих по содержанию, встречались намеки на «превентивную» войну и требования ее начать. Так, в сентябрьской переписке 1909 г. между фон Мольтке и его австрийским коллегой фон Гетцендорфом, читаем в связи с кризисом в Боснии весной того года, что начальники генштабов двух держав сожалели, что не удалось развязать войну. Фон Мольтке пишет:

Как и Ваше превосходительство, я глубочайше сожалею, что нам не удалось воспользоваться этой возможностью, которая в ближайшее время, скорее всего, не повторится. [...] предпосылки для Австрии и Германии сейчас были намного лучше, чем их можно ожидать через пару лет¹⁶.

Гоффман комментирует:

Здесь намечается тот мотив, который станет доминировать в аргументации фон

¹⁴ Что касается этого момента, определение которого не маловажное, чтобы понять мотивы и причины этих требований, Гоффман высказывается немного противоречиво, т. е. иногда он пишет, что регулярные, открытые и настойчивые призывы к превентивному нападению наблюдаются то с осени 1912, то осени 1913 года. Если внимательно читать исследование, то вернее всего эти высказывания начинаются сильно повторяться уже в конце 1912 года. А осенью 1913 года произошли события, которые еще раз дали толчок политике «превентивности», и поэтому эти фразы опять чаще всплывают. См. Hoffmann, с. 115, 120, 123.

¹⁵ См. Hoffmann, с. 325–330.

¹⁶ Цит. по: Hoffmann, с. 72.

Мольтке все последующие годы до начала войны: воспользоваться случаем напасть на Францию и Россию, пока Германия и Австрией еще сильнее противника. [...] В этой переписке 1909 года названы, практически, все элементы, которые спустя пять лет привели к кризису и стали его доминантой. И переписка доказывает, что военачальники в Берлине и в Вене прекрасно знали, каким путем следует начать войну и какие ожидаются последствия¹⁷.

Концепция «превентивной войны» имеет в истории германского генштаба, по мнению Гоффмана, немалую традицию, но с помощью сильного канцлера фон Бисмарка концепция не применялась на практике. «Железный» канцлер предвидел, что цель концепции военачальников – лишь сломать военную мощь противников, а понятие превентивности служило только этикеткой для нападения, уточняет Гоффман¹⁸.

Кстати, аргументом о слабом канцлере, т. е. о фон Бетман-Гольвеге, Гоффман объясняет многие необдуманные шаги германских властей и доминирующую роль военных в политике¹⁹.

Еще в 1905/1906 гг., после революции и поражения России в войне с Японией, военачальники требовали применить концепцию превентивной войны против России, и были «страшно огорчены» решением, высказанным кайзером 1 января 1906 г., что и в связи с кризисом в Марокко он не собирается вести войну²⁰.

Не будем здесь обсуждать все интересные примеры высказываний за «превентивную» войну, найденные Гоффманом, их стоит прочитать. Но важно отметить один

¹⁷ Hoffmann, с. 72–73.

¹⁸ Ср. Hoffmann, с. 74.

¹⁹ К проблематике слабого канцлера – см. напр. Hoffmann, с. 75–77.

²⁰ Ср. Hoffmann, с. 93.

важнейший момент, на который указывает исследователь и который показывает, что в оценке властвующими структурами политической и военной обстановки с конца 1912 г. что-то кардинально изменилось по сравнению с ситуацией в Германии в 1909 г. и тем более при фон Бисмарке. Дело в том, что с осени 1912 г. мы наблюдаем, что в высказываниях властвующих кругов встречаются дословные или почти дословные повторы одних и тех же аргументов, причем независимо от того, какая группировка высказывается по данному поводу.

Важным импульсом для этих аргументов, наверное, послужило заседание военного совета, проходившего 8 декабря того же года – причем без присутствия канцлера! А ведь обсуждался, как указывает Гоффман, вопрос войны, т. е. на этом заседании могла бы решиться судьба Германии. Но решения начать войну не последовало, хотя такая возможность обсуждалась. В приводимом Гоффманом разговоре на тему концепции «превентивного» действия кайзер согласился со своим начальником генштаба фон Мольтке, что война неотвратима и добавил «чем раньше, тем лучше»²¹. Почти те же слова высказывает чуть раньше генерал-адъютант кайзера фон Плессен (von Plessen)²². Гоффман приводит еще одну любопытную деталь этого заседания. При обсуждении вопроса о боеготовности флота выяснилось, что флот будет в полной боеготовности только через полтора года – это почти полностью совпадает с датой начала войны, что, по Гоффману, дает много поводов для размышлений²³.

С 1912 г. повторяются следующие аргументы – привожу высказывания замначальника генштаба фон Вальдерерзее, со слов

Гоффмана и с его комментарием – автор здесь ссылается на официальный документ от 18 мая 1914 г., разработанный фон Вальдерерзее по поручению фон Мольтке:

В этом документе фон Вальдерерзее выступает также за превентивную войну, перечисляя аргументы в пользу войны. Несмотря на то, что «в ближайшее время» нам не грозит война, для Германии нет оснований «избегать конфликта, тем более, что можно себе представить кое-какие подходящие ситуации, и более того, сегодня у нас есть крупный шанс быстро победить в большой европейской войне. Это относится и к нашим союзникам, Австро-Венгрии и Италии. **Сегодня** [выделено мной – С. III.] это возможно. Скоро обстановка будет иной»²⁴.

Что здесь имеется в виду? Гоффман комментирует, снова ссылаясь на фон Вальдерерзее:

Фон Вальдерерзее излагает все это, придавая каждому слову большое значение, слова его не скрывают оттенка паники – он пытается внушить, что скоро Германия будет бессильна по отношению к коалиции противника. И он совершенно откровенно высказывает мысль, что речь идет не только о войне с Россией, но и о борьбе между европейскими державами. При этом он не забывает напомнить, что противник **еще** [выделено мной – С. III.] не готов к войне – французская армия еще не имеет полной боеготовности из-за введения трехгодичной воинской повинности, британская политика парализована в связи с ирландским конфликтом, а Россия еще не завершила своей реформы армии и, прежде всего, не создала железнодорожную сеть²⁵.

²¹ Ср. Hoffmann, с. 90.

²² Ср. Hoffmann, с. 94.

²³ Ср. Hoffmann, с. 90.

²⁴ Hoffmann, с. 116.

²⁵ Hoffmann, с. 116.

Но проблема, причем крайне банальная, для германо-австро-венгерских властей состояла в том, что не было основания для превентивного нападения – поэтому срочно необходимо был повод. Комментарий Гоффмана по этому поводу совершенно однозначен:

Если противник не готов к прямому нападению, то превентивная война должна быть особенно тщательно обоснована. Такого обоснования в 1914 году не существовало. Несмотря на напряжение во взаимоотношениях и на кризисы, уже несколько раз привадившие континент на грань конфликта, у Германии и Австрии не было каких-либо обоснованных доводов для осуществления планов нападения со стороны предполагаемых противников. И военное начальство это понимало²⁶.

И здесь Гоффман приводит интереснейшую цитату из письма фон Мольтке своему коллеге фон Гетцендорфу от 13 марта 1914 г. В нем фон Мольтке комментирует сложившуюся обстановку, которую месяц спустя, более подробно, описал его заместитель фон Вальдерерзее (цитируется с комментарием Гоффмана):

«От Франции можно сегодня ожидать агрессии еще менее, чем от России». Россия, в военном плане, нуждается в серьезном реструктурировании, что означает, что она все пытается догнать нас и тратит большие средства на улучшение военной инфраструктуры. Франция из-за введения трехгодичной воинской повинности еще не готова, добавил фон Мольтке. «Правда Франция делает все возможное, чтобы укрепить своего союзника Россию в военном плане, но в ближайшее время ей вряд ли удастся заставить Россию напасть на Тройственный союз»²⁷.

²⁶ Hoffmann, с. 121.

²⁷ Hoffmann, с. 121.

Что подразумевается под фразой «в ближайшее время», остается неясным, отмечает Гоффманн, – фон Мольтке, по крайней мере, не ожидал нападения в 1914 году. То, что Франция все-таки принципиально имела интерес вовлечь своего союзника в войну, начальник генштаба не исключал. Эти слова свидетельствуют о том, что фон Мольтке считал обе страны еще не готовыми к войне. Именно этот факт и повлиял на последующее решение германских правящих политических и дипломатических властей начать войну, принятое несколько месяцев спустя. Но, заключая свои рассуждения, Гоффман отмечает, что на сегодняшний день нет никаких признаков, доказывающих, что Франция и Россия готовились к совместной агрессии после того, как они совершили бы процесс вооружения армий, как это представлял себе германский генштаб²⁸.

Что здесь главное для аргументации, которую мы изложили как «вовремя начать превентивную войну, не пропустить опять удобный момент для превентивного нападения»?

Правящие группировки (главная, военная, вокруг фон Мольтке) рассчитали, что скоро им будет по «плану Шлиффена» не победить Антанту – здесь даже не важно, угрожает ли реально кто-нибудь или нет. Просто через определенный срок Франция и Россия и присоединившаяся к ним Великобритания будут непобедимы. По этой причине и используется понятие «превентивный удар». Главным угрожающим моментом германским властям, очевидно, представлялся (и не без оснований) договор Франции с Россией. Как известно союзники подписали в октябре 1913 г. соглашение о финансовой поддерж-

²⁸ Ср. Hoffmann, с. 121.

ке Франции (деньги поступили 30 января 1914 г.) для строительства стратегических железных дорог на западных территориях России. Этот договор и объясняет, почему с осени 1913 г. все чаще и чаще в документах встречаются требования о «превентивном» нападении. Гоффман, к примеру, ссылается на высказывание канцлера фон Бетман-Гольвега, утверждавшего, что военные были убеждены в том, что с 1916 года, когда будет построена новая российская железнодорожная сеть, «план Шлиффена» станет неосуществимым. Поэтому они упорно требовали начать войну как можно быстрее²⁹. Гоффманн, ссылаясь в данном случае на исследование Анники Момбауер³⁰ (Annika Mombauer), уверен, что фон Мольтке уже в 1912 г. считал, что условия для европейской войны для Германии и ее союзников в то время были благоприятней, чем они будут через несколько лет. Это доказывается его высказываниями на упомянутом заседании военного совета и словами, цитируемыми его племянницей Доротой фон Мольтке³¹.

Французско-российское соглашение бесспорно влияло на все властвующие группировки. Для военных это стало дополнительным доказательством их правоты. Гоффман отмечает, что, хотя много документов генштаба не сохранилось, можно доказать с помощью трех документов, что в штабе были серьезно обеспокоены французско-российским соглашением, в частности железнодорожным проектом, и что в этом усматривалась угроза. Военачальникам казалось, что слухи об окруже-

нии Германии подтверждались³². На мой взгляд, такая трактовка событий не обязательно доказывает наличие реальной угрозы. Но это аргумент, который действительно мог бы быть использован для трактовки превентивного нападения. Железнодорожная сеть представляла собой лишь потенциал агрессии, ставящий под угрозу «план Шлиффена». Но и для тех, кто раньше хотел избежать войны, как, например, статс-секретарь иностранных дел фон Ягов, и даже тот самый фон Бетман-Гольвег, соглашение воспринималось как удушающий захват. Это, естественно, стимулировало оборонительный рефлекс, который, правда, проявился как нападение, потому что другого рефлекса не тренировали. Гоффманн, между прочим, толкует источники в том плане, что канцлер еще в начале июня 1914 г. был против войны и якобы был уверен, что это позиция полностью поддерживается кайзером³³.

В связи с французско-российским соглашением Гоффман приводит еще одну деталь для усиления аргумента угрозы. Ссылаясь на военного министра России Сухомлинова, он указывает на то, что уже в 1911 г. начальники генштабов Франции и России подписали соглашение о том, что «нападение на Германию должно осуществляться одновременно с востока и с запада»³⁴. Надо сказать, без проверки источника неясно, в каком конкретно случае должно применяться это соглашение, а Гоффманн оставляет это без комментария.

Вот еще один интересный довод Гоффмана, который, правда тоже содержит спекулятивный момент. Он указывает на высказывание Делькассе (Delcassé).

²⁹ Ср. Hoffmann, с. 121.

³⁰ Mombauer, Annika: *Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War*. – Cambridge: 2001.

³¹ Ср. Hoffmann, с. 93, 96.

³² Ср. Hoffmann, с. 109.

³³ Ср. Hoffmann, с. 98.

³⁴ Ср. Hoffmann, с. 102.

Делкассе, который несколько лет тому назад в должности министра иностранных дел был одним из главных участников создания Антанты, заявил своему британскому коллеге весной 1913 г., что позиция Германии ухудшается каждый год и что, «если нельзя избежать войны, Германия готова начать ее как можно раньше» и добавил, что «Германия нападет раньше, чем Россия будет готова». Это почти слово в слово мнение начальника немецкого генштаба³⁵.

Затем Гоффманн указывает на слова французского президента Пуанкаре (Poincaré). В начале 1914 г. тот даже сказал, что война начнется через два года. А в связи с визитом Пуанкаре в Петербург в 1912 г., Гоффманн приводит комментарий графа Сечена (Graf Szécsen), австрийского посла в Париже с июля 1913 г., тот указывает на спираль недоверия, возрастающего с каждым днем. В консультациях с немецким правительством, которые велись на тему визита французского президента, выяснилось, как заявляет граф Сечен, что немецкое правительство «абсолютно обо всем осведомлено», и с тех пор оно убеждено, что Пуанкаре готовится к войне.³⁶ Спрашивается, конечно, к какой войне – может быть, и к оборонительной?

Дополнительным аргументом в пользу предполагаемой, т.е. потенциальной угрозы со стороны Антанты Гоффманн приводит пример переговоров между Великобританией и Россией о секретной военно-морской конвенции весной 1914 г.³⁷ На самом деле, и эти переговоры потенциальных врагов Германии усугубили неправильную интерпретацию политической ситуации некоторыми группировками власти и ка-

нализировало их выводы за войну – это с одной стороны. С другой стороны, подписание конвенции подкармливала трактовку властвующих военных, как можно быстрее начать войну.

Интересно, что Гоффманн во всех своих доводах большое внимание уделяет эмоциональному и психологическому состоянию главных героев, особенно неуравновешенному, сверхчувствительному характеру фон Мольтке и слабому, неустойчивому фон Бетман-Гольвегу³⁸. В этой связи интересен следующий обобщенный вывод Гоффмана: «Но из-за того, что **чувство** [выделено мной – С. III.] угрозы все-таки возникло, в Берлине начали воспринимать новости тенденциозно, односторонне, т. е. уделяли больше значения угрожающим, чем успокаивающим новостям»³⁹. О слабости, неспособности, нерешимости рейхсканцлера, о том, что в пик кризиса он оказался без власти, Гоффман информирует читателя детально.⁴⁰

Какую важную и трагическую роль для Германии и мира сыграл начальник генштаба Гоффман не устает комментировать. Этот, с одной стороны, могучий и в военном деле талантливый, с другой – слабый, депрессивный полководец и бездарный политик имел свободный доступ к кайзеру. Он мог докладывать ему и без консультации с канцлером, даже не спрашивая его. Он один практически решал многие политические вопросы. Его состояние весной 1914 года Гоффман комментирует следующим образом: «В предупреждениях начальника генштаба, что процесс вооружения России надо остановить, высказываниях, которые перерастали в требования к

³⁵ Ср. Hoffmann, с. 103.

³⁶ Ср. Hoffmann, с. 103.

³⁷ Ср. Hoffmann, с. 42.

³⁸ «Сильные эмоции следует учитывать [...]». См. Hoffmann, с. 234.

³⁹ Hoffmann, с. 119.

⁴⁰ См. Hoffmann, напр. с. 55, 62, 77, 80, 222.

превентивной войне, в этих предупреждениях и высказываниях наблюдалось некая одержимость»⁴¹. С помощью цитат современников Гоффман создает наглядные портреты эмоционального и психического состояния фон Мольтке, фон Бетман-Гольвега, фон Ягова и других. Значение отдельных лиц в этом конфликте в историографии зачастую мало учитывается, утверждает исследователь.

В июле 1914 г. не только в Германии наблюдается особо напряженная обстановка. В интерпретации этого отрезка времени Гоффман прибегает к интересному (известному) источнику, журналисту Теодору Вольффу (Theodor Wolff), которому он предоставляет целую главу⁴². Записки Вольффа, по мнению Гоффмана, являются мало искаженным источником, который дает возможность лучше понять механизм развязывания войны; Гоффман утверждает, что этот журналист является наиболее информированным лицом – вне властных структур⁴³.

Думается, что материал из дневника привел Гоффманна к мысли проверить указанные там повторные высказывания на счет «превентивной» войны.

Вольфф приводит следующее: 25 июля статс-секретарь фон Ягов на вопрос Вольффа, не грозит ли Германии мировая война, ответил успокаивающе, нет, так как ни Россия, ни Франция, ни Англия не хотят войны. Потом добавил, что все обстоятельства все равно к этому ведут – через два года [!], когда Россия будет сильнее, чем сейчас⁴⁴. Почти такой же аргумент Вольфф слышит от фон Штумма (von Stumm), начальни-

ка политического отдела при фон Ягове, 17 февраля 1915 г. Дипломат, как утверждает Вольфф, сказал об июльском кризисе: «Мы были готовы вести войну против России. Но Австрия наконец-то должна решить вопрос с Сербией. Если война не развязалась бы тогда, она началась бы через два года[!], при худших для нас условиях». На возражение Вольфа: «Никто ведь не знает, что будет через два года», – фон Штумм ответил: «Никто не мог предположить, что в военном плане не все пойдет так гладко, как думали»⁴⁵. Такой же разговор повторяется в 1915 г. с князем Лихновским (Fürst Lichnowsky), бывшим послом в Лондоне. Тот утверждает, что «особенно фон Мольтке и, «возможно, Фалькенгайн» (von Falkenhayn – генерал, прусский военный министр) хотели войну и тоже упоминают тот двухгодичный срок⁴⁶. Какие из этого делает выводы Гоффман? Ясно, что под этим сроком – 1916 г. – подразумевается готовность России, т.е., главным образом, окончание стройки железных дорог, но и другое. Опять же объясняется стремление «во-время» начать войну.

Из этого также следует, что не только в военных кругах, но и среди дипломатов и в правительственных органах существовал точный ориентир на развязывание войны в 1914 году. Что касается аргумента угрозы со стороны Антанты для концепции превентивного нападения, то здесь все остается в пределах потенциальной угрозы. Что касается роли России в конфликте, то Гоффман отдельно указывает, что великая держава на востоке имела огромное значение для Германии и что до сих пор недооценивают это значение в связи с событиями 1914 года⁴⁷.

⁴¹ Ср. Hoffmann, с. 172.

⁴² См. Hoffmann, с. 38–56.

⁴³ Ср. Hoffmann, с. 42–43.

⁴⁴ Hoffmann, с. 38.

⁴⁵ Ср. Hoffmann, с. 48.

⁴⁶ Ср. Hoffmann, с. 48.

⁴⁷ Ср. Hoffmann, с. 99.

Уже не указывая на материал Вольфа, Гоффман приводит слова фон Ягова, который писал своему послу в Лондоне Лихновскому 18 июля 1914 года, когда кризис уже начался, что он уже больше не может исключить превентивной войны [!]. Причиной этому, как он пишет, являются слабость Австрии и возрастающая мощь России, которая, «мы здесь имеем компетентные сведения», будет через несколько лет иметь боеспособную армию, готовый к войне балтийский флот и стратегическую систему железных дорог.⁴⁸ Другими словами, заключает Гоффман, от почти всех отвечающих за немецкую внешнюю политику мы имеем свидетельства, что российское вооружение и, особенно, стройка железных дорог считались серьезнейшей проблемой, если и не причиной развязывания превентивной войны.

Из всего сказанного следует: военным группировкам вокруг фон Мольтке, к 1914 году уже доминирующим в политике Германии, и подчинившимся им правительству и кайзеру, вместе со своим австро-венгерским союзником, пришлось искать (не ждать!) повод для начала войны – именно войны, а не просто для нападения.

А как «искать», это немецкие военачальники хорошо знали, отмечает Гоффман, ведь у них имелся богатый опыт, например, «упущенный» шанс при кризисе в Марокко; военная элита имела все ингредиенты для развязывания войны⁴⁹.

Но весь фокус в том, чтоб общественность поверила, что Австро-Венгрия и Германия к войне были вынуждены, т.е. к обороне с помощью военных операции на территориях противников, в том числе и Бель-

гии⁵⁰. А тайно все следовало провести точно и гладко по «плану-нападения Шлиффена». С 28 июня 1914 г., как мы знаем, австрийские и немецкие власти действовали намеченным «превентивным» путем – трагически приведшим к катастрофе.

Примечательно еще, как показывает Гоффман, что все призывы к превентивной войне абсолютно не соответствуют официально распространяемой информацией всех кризисных годов – Германия вынуждена поддержать своего австрийского союзника против агрессии России, которая грозила поддержать Сербию. Здесь Гоффман демонстрирует неготовность общества предостеречь войну.

Центральным доводом в аргументации Гоффмана является «план Шлиффена», так сказать, «рецепт по изготовлению войны»⁵¹. Все, т.е. и в исторической реальности, по Гоффману, строится вокруг этого плана. Этим объясняется проблематика безопасности Германии. Мы имеем безальтернативный до абсурда план действий, которого придерживались, тупо веря в него (или заставляли себя верить), почти все актеры. Гоффман отмечает, что с весны 1913 г. германские власти безальтернативно вели Германию к войне, точно по «плану Шлиффена»⁵².

Значит, чтобы предостеречь угрозу нападения с запада, т.е. Франции, и с востока, т.е. России, был разработан военно-стратегический «план Шлиффена». И убеждение (перерастающее у некоторых

⁴⁸ Ср. Hoffmann, с. 114.

⁴⁹ Ср. Hoffmann, с. 129.

⁵⁰ То, что во властных структурах откровенно говорили о том, что разработанная превентивная концепция должна восприниматься в общественности как оборонительная, излагает Гоффман на примере немецкого генштаба; говорится, эмоционально устрашающе, о таких рецептах, как «в первой очереди это будет борьба между Германией и Славянами». См. Hoffmann, с. 129, см. Таже с. 188.

⁵¹ Hoffmann, с. 70.

⁵² Ср. Hoffmann, с. 112.

ответственных в веру), что только точное выполнение плана предоставит Германии возможность сохранить и улучшить свое экономическое, политическое и военное положение, свой новый статус европейской державы. А если взглянуть с другой стороны, то невыполнение, каждое отступление от «плана Шлиффена» ставит под угрозу существование Германии. Под этот план, под эту **военную**, именно военную стратегию подстраивалась вся внешняя и внутренняя политика; т.е. большинство политиков, как убежден Гоффман, подстраивалось под интересы и убеждения военной элиты и некоторых им близких группировок. Гоффман приходит к выводу: «Этим планом политическую проблему хотели решить военными методами»⁵³. Дилемму, в которой оказалась Германия, к которой привели ее лица, подобные фон Мольтке, можно назвать «военной диктатурой».

Гоффман выделяет по отношению к Германии три ответственные за развязывание конфликта группы:

1. Военная (в основном прусская) элита вокруг фон Мольтке, поддерживаемая Пангерманским союзом (Alldeutscher Verband) и Оборонным союзом (Wehrverein).

2. Кайзер и его окружение (здесь автор подчеркивает переплетение с военными).

3. Правительство (главные здесь канцлер и госсекретарь внешних дел фон Ягов)⁵⁴.

Гоффман определяет еще четвертую и пятую группы – парламент, т. е. Рейхстаг и общественность. Как справедливо указывает автор, парламент без настоящих полномочий, общественность без влияния позволили военным провести почти без сопротивления свой план. Можно, как это и делает Гоффман, определить еще других

взаимосвязанных актеров, как народ, партии и общество в целом.

В середине книги Гоффман дает интересное обобщение и оценку обстановки, которая привела к войне:

На дефицит аргументов сторонники превентивной войны пожаловаться не могли. [...] Кто был за войну, тот мог ссылаться на все эти данные. Тот, кто пытался действовать успокаивающе, должен быть готов к обвинениям, что он не заботится о безопасности Германии, или, говоря словами кайзера Вильгельма II, тому пора в дурдом. Если бы войска России стали бы самыми мощными, то угроза войны на двух фронтах, как ее опасались немцы, повисла бы над тогдашней самой мощной континентальной державой как меч Дамокла. Из этого следовало, что обстановка все больше и больше накалялась, что давало фон Мольтке повод все резче предъявлять свои требования: самим определить начало войны, которую считали неизбежной, и предотвратить предполагаемую угрозу окружения. Индичий было много, но ни одного доказательства; но и предполагаемые противники мало содействовали тому, чтобы разредить накаленную атмосферу. Правительству страны никак нельзя было предпринимать свои решения и действия, руководствуясь страхом и настроениями, а только здравым смыслом. Очень много зависло от того, насколько влияла военная группировка на политику, и от того, могло ли политическое правление рейха отстоять свое назначение руководства⁵⁵.

В последней главе своего исследования Гоффман уделяет особое внимание вопросу ответственности (и вины) общественности. Не будем здесь рассматривать все его аргументы, но сам факт, что историк ищет

⁵³ Hoffmann, с. 65.

⁵⁴ Hoffmann, с. 97-98.

⁵⁵ Hoffmann, с. 212.

(и находит) главную «вину», так сказать, у себя, повышает ценность его исследования. Виноваты не просто кайзер, правительство, военная элита или отдельные лица, которые оказались не способными выполнять отведенные им функции. Нет, общество не справилось. Вот самые важные аргументы:

Политика сдала порученные ей по конституции позиции военным, особенно это сказывается на действиях рейхсканцлера и дипломатов⁵⁶. Не было единого, здравомыслящего правления; действия отдельных властвующих группировок были не координированы, некоторые шаги были просто не обдуманно, но были и пропитаны эмоциями и психозами⁵⁷. Правительство, в конце концов, оказалось без власти, казалось, что к началу войны Германский рейх был без политического правительства⁵⁸.

Общество допустило доминирующую роль военных, здесь все же надо учитывать особую военную традицию, особенно прусскую, в Германии, указывает Гоффман⁵⁹. Но, несмотря на это, нельзя было допустить военной диктатуры; военная элита практически никем не контролировалась, она стояла вне конституции⁶⁰. Мы наблюдаем в Германии в первой половине 1914 г., как отметил Гоффман, капитуляцию политиков перед военным правлением⁶¹.

Рейхстаг еще не стал тем органом контроля и управления, которым он должен быть в современном государстве. Парламент использовался властвующими группировками⁶². Существующие

партии не справились со своими задачами, хотя здесь имелся шанс, утверждает Гоффман; один из примеров, который он приводит, это роль Бебеля и социал-демократов⁶³.

Не отреагировала адекватно пресса, она быстро смирилась с цензурой и с пропагандой⁶⁴. Господствующим группам власти удалось подчинить своим интересам крупные газеты⁶⁵. Даже критическая пресса в 1914 г. содействовала пропаганде; газеты, в основном, способствовали военной политике фон Мольтке и, таким образом, готовили почву для массовой войны, для которой нужна абсолютная поддержка населения — одним словом, массы⁶⁶.

Если допустимы ошибки такого порядка — «военная диктатура», «безвластное правительство», «безвластный парламент» и т. д. — значит, не сработали нужные механизмы контроля или их просто не было. Здесь проблема конституции, отсталой политической системы в целом⁶⁷. Хотя зачатки демократии были, Германия все еще являлась монархией с системой строго подчинения (Obrigkeitsstaat), с еще не развитым критическим мышлением, с переоценкой военных возможностей⁶⁸. Гражданского общества еще не существовало.

В конце этого очерка хотелось бы указать кратко на некоторые особенности книги, касающиеся научно-методической и чисто формальной структуры исследования, здесь требуются особые критические замечания.

Труд Гоффмана очень содержательный, но и очень объемный. Книга дает

⁵⁶ Ср. Hoffmann, с. 223.

⁵⁷ Ср. Hoffmann, с. 286.

⁵⁸ Ср. Hoffmann, с. 308.

⁵⁹ Ср. Hoffmann, с. 54, 75, 88, 89, 117, 119, 179, 296.

⁶⁰ Ср. Hoffmann, с. 89.

⁶¹ Ср. Hoffmann, с. 304.

⁶² Ср. Hoffmann, с. 260.

⁶³ Ср. Hoffmann, с. 154–157.

⁶⁴ Ср. Hoffmann, с. 323.

⁶⁵ Ср. Hoffmann, с. 169.

⁶⁶ Ср. Hoffmann, с. 206, 209, 215.

⁶⁷ Ср. Hoffmann, с. 314.

⁶⁸ Ср. Hoffmann, с. 314.

много импульсов для размышления, она предлагает ответы на спорные вопросы, приводит новые систематичные аргументы, но в тексте много повторений, редундантной информации. Даже если эти повторы воспринимать как авторский прием, с помощью которого Гоффман хочет фокусировать читателя на самых важных аспектах исследования, чтобы тот в ходе продолжительного чтения не терял из виду главные аргументы, то внимательного читателя такой прием скорее раздражает, чем помогает ему.

Еще надо сказать, что форма цитирования достаточно непривычна. Скорее всего, это уступка непрофессиональному читателю и коммерции.

Тем не менее перед нами захватывающий текст, блестящий анализ, дающий новую интерпретацию на основе известных источников. Исследование Гоффмана дает новые ответы на сложнейшие, до сих пор не решенные вопросы. Один из этих вопросов касается ответственности за Первую мировую войну – проблематика, о которой

и сегодня, даже в научном дискурсе, либо толкуют односторонне либо умалчивают. Своеобразная концепция «превентивной войны», представленная автором, кажется в состоянии разъяснить некоторые пробелы истории, приведшие к великой катастрофе. Книга обещает послужить дальнейшим исследованиям импульсом.

10 сентября 2010 г.

Литература

Туполев Б.М.: Происхождение Первой мировой войны. *Окончание*. // Новая и Новейшая история. – 2002. – № 5. – С. 19–62.

Уткин А.И.: Первая мировая война. – Москва: Алгоритм, 2002. – 672 с.

Hoffmann Dieter. Der Sprung ins Dunkle oder wie der 1. Weltkrieg entfesselt wurde. – Leipzig: Miltzke Verlag, 2010. – 367 S.

Kielmansegg Peter Graf. Deutschland und der Erste Weltkrieg. – Frankfurt a. M.: Akad. Verl.-Ges. Athenao, 1968.

Mombauer, Annik. Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War. – Cambridge: 2001. – 325 pp.